
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**КУЗНЕЦОВ В.Ю. МИР ЕДИНСТВА. — М.: АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ, АЛЬМА МАТЕР, 2010 Г. — 207 с.
(философские технологии: hic et nunc)**

Начну с оценки авторского стиля, ведь, как известно, «стиль — это человек». Один из героев Чехова, всемирно известный профессор, говорит: «В детстве и в юности я почему-то питал страх к швейцарам и театральным капельдинерам... Говорят, что кажется страшным только то, что непонятно. И в самом деле, очень трудно понять, отчего швейцары и капельдинеры так важны, надменны и величаво невежливы. Читая серьезные статьи, я чувствую такой же неопределенный страх. Необычайная важность, игривый генеральский тон, фамильярное обращение с иностранными авторами, умение с достоинством переливать из пустого в порожнее — все это для меня непонятно, страшно и все так непохоже на скромность и джентельменски-покойный тон, к которым я привык, читая наших писателей-врачей и естественников»*.

К счастью, небольшая изящная книжечка «Мир единства» Василия Юрьевича Кузнецова принадлежит не к такого рода «серьезным» трудам, внушающим нам «неопределенный страх». Совсем наоборот. Для нее характерны скромность, искренность и научная корректность рассуждений.

У нас нет возможности непосредственно воспринимать мир как он есть на «самом деле» — ведь «единство мира» нам никак непосредственно не дается, — полагает автор. Вместе с тем «любые философские концепции — это различные способы описания единства мира» (С. 53)**. Но это по определению ограниченные описания — ведь любой жест не может удержать единство, он все равно прочерчивает границы, определяет что-либо (так учил Деррида).

Но, с другой стороны, любой проект возможен только в универсуме других проектов — ведь если понять его как образец, который надо воспроизвести, то сделать это возможно только тогда, когда он «ограничен» другими образцами (это уже теория «социальных эстафет» Розова).

* Чехов А.П. Скучная история // Собр. соч. В 8 т. Т. 4. — М., 1970. — С. 317.

** Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание.

Таким образом, нам остается только «ухватить» единство мира в универсуме культуры; «во всем разнообразии своих компонентов, ракурсов и аспектов единство мира отображается с наибольшей возможной полнотой только в единстве человеческой культуры» (С. 32).

И ключевая мысль автора — можно нащупывать инвариант во всех разнообразных проектах, при этом понимая, что любой проект ограничен. Автор пытается выразить единство мира, при этом выбирая «свои образцы», — это «несамопрозрачный» субъект неклассики, вытекающая отсюда множественность миров и фантастика, этой множественностью живущая, а также перформативность коммуникации.

Конечно, можно привести много возражений. Можно, например, указать, что концептуализация смысла как образца для деятельности в теории «социальных эстафет» и дерридианский подход, предполагающий смысл просто как ментальную операцию различения, приводят к плохо совместимым смыслам. Автор же даже в исходных моментах смешивает эти разные вещи.

Можно сказать и о том, что не стоит решать вопрос о соотношении философии и литературы вне исторических форм. Ведь когда-то они бывают очень близки, а когда-то противоположны; стоит проанализировать именно эти сближения — отталкивания для более корректного рассуждения об их взаимоотношениях. И т.д. Но ведь это показатель хорошей книги — то, что она заставляет думать.

И еще. Текст книги блестяще дополняет яркое и интересное само по себе предисловие К. Свасьяна.

Ю.Д. Артамонова